

Чи Чунцяо поправлял свою одежду, размышляя пару секунд, затем, благодаря актерскому мастерству, сохранил спокойное выражение лица: «Брат Ду, дай мне объясниться».

Ду Юйшэн, чьи прямолинейные взгляды уже начали рушиться, едва сдерживался, чтобы не схватить Чи Чунцяо и не закричать: Что вы там делали? Что вы делали?

Чи Чунцяо посмотрел на свою одежду и слабо оправдался: «Мы ничего не делали».

Ду Юйшэн провел рукой по лицу: «Ты и Лу Юйчжоу...»

Чи Чунцяо кашлянул: «Именно то, о чем ты думаешь».

Ду Юйшэн почувствовал головокружение, и в его голове внезапно возникли слова «Небо хочет моей гибели», которые ударили его так сильно, что он чуть не потерял сознание, и у него возникло желание просто сдаться.

Чи Чунцяо поспешил поддержать его, успокаивая: «Брат Ду, брат Ду, у тебя еще есть Янь Июнь, за которой нужно присматривать».

Ду Юйшэн, едва живой, оглянулся на Янь Июнь, которая вдалеке повторяла текст. Глупая девчонка что-то бормотала, но ее глаза постоянно блуждали в их сторону.

Ду Юйшэн почувствовал, как сердце сжалось — ладно, лучше просто сдохнуть.

Но ему это не удалось — Лу Юйчжоу вышел из машины. На нем был дымчато-серый свитер, и, возможно, из-за того, что они не виделись какое-то время, его обычно подавляющая аура смягчилась.

Лу Юйшэн стоял рядом с Чи Чунцяо и слегка кивнул Ду Юйшэну: «Спасибо за помощь».

Ду Юйшэн вышел из состояния, близкого к обмороку, и почтительно ответил: «Не за что, это моя работа».

Только сегодня он узнал, что младший принц и большой босс — это пара, и он, как менеджер, который постоянно нагружал Чи Чунцяо работой, стал тем, кто разлучает влюбленных. Кто знает, может, Лу Юйчжоу уже давно его ненавидит.

Лу Юйчжоу слегка улыбнулся и начал поправлять роскошную лисью шубу Чи Чунцяо.

Шуба была не настоящей, а искусственной, но как реквизит она выглядела очень достойно и стоила немало. Однако меховой воротник шубы выглядел так, будто его только что вытащили из сушилки, весь мех торчал в разные стороны. Зима, везде статическое электричество, а

искусственный мех особенно этому подвержен. После того, как они немного понежились в машине, мех взъерошился.

С мехом ничего не поделаешь, но Лу Юйчжоу постарался разгладить помятые участки.

Чи Чунцяо тихо сказал: «Если это увидит реквизитор, меня заругают».

Лу Юйчжоу наклонился, чтобы разгладить помятые края одежды, и с улыбкой ответил: «Тогда я пойду извиняться вместо тебя».

В этот момент Чжун Инь подбежал к ним с площадки: «Брат Цяо! Скоро твой выход! Тебе нужно подправить грим!» Он подбежал ближе и, еще не разглядев людей, увидел помятую шубу. Он был в шоке: «Брат Цяо, твоя одежда... Я сейчас все поправлю!»

Он присел, как раз в тот момент, когда Лу Юйчжоу выпрямился, и их взгляды встретились.

Чжун Инь: «Я...» Он с трудом проглотил оставшееся слово и чуть не сел на землю.

Чи Чунцяо: «...»

Лу Юйчжоу поднял бровь, стряхнул пыль с шубы и сказал: «Брат Цяо, иди сначала сниматься, я подожду тебя здесь».

Чи Чунцяо не хотел уходить. В машине они обменивались нежными словами, и хотя это немного утолило тоску по друг другу, не хватало спокойной, размеренной нежности, и он все еще чувствовал жажду.

Он оглянулся на съемочную группу, сдержал свои слова и вместо этого улыбнулся Лу Юйчжоу: «Тогда я сначала пойду, закончу сцену и вернусь».

Лу Юйчжоу слегка прикусил язык, сдерживая тоску, которая чуть не отразилась на его лице, и спокойно сказал: «Хорошо».

Чи Чунцяо посмотрел на него еще мгновение, его любовь была настолько сильной, что он едва мог уйти. Он сжал губы, протянул руку, широкий рукав полностью скрыл его кисть, оставив видимыми только кончики пальцев.

Лу Юйчжоу не понял, но осторожно взял руку Чи Чунцяо, и тот разжал пальцы, оставив в ладони Лу Юйчжоу твердую карточку.

Это был ключ от номера.

Лу Юйчжоу тихо засмеялся, сжав ключ в руке.

Чи Чунцяо улыбнулся, развернулся и пошел к съемочной площадке.

Ду Юйшэн поспешил за ним.

Чи Чунцяо тихо спросил: «Почему Юйчжоу приехал с тобой?»

Ду Юйшэн ответил: «Не знаю. Я сегодня собирался приехать, а Лу Юйчжоу внезапно сообщил, что поедет со мной. Ци Чу даже пытался его отговорить... Эй?»

Чи Чунцяо резко остановился, его ясные глаза пристально смотрели на Ду Юйшэна — что значит, Ци Чу пытался его отговорить?

Каждый раз, когда дело касалось Лу Юйчжоу, Чи Чунцяо терял контроль над своими эмоциями на несколько секунд. Его взгляд на Ду Юйшэна стал почти подавляющим.

Ду Юйшэн под таким взглядом чуть не подавился невысказанной половиной фразы и с досадой сказал: «Не смотри на меня так, я правда не знаю, что происходит. Тебя нет в компании, и Лу Юйчжоу редко появляется в Чжаохуэй, разве что на крупных проектах или собраниях. Но я немного пообщался с Ци Чу, и он сказал, что Лу Юйчжоу в последнее время очень занят, вероятно...»

Он выглядел смущенно и невнятно добавил: «...вероятно, он торопился увидеть тебя, поэтому сгруппировал всю работу... Спроси у него сам».

Чи Чунцяо стоял на месте несколько секунд, его лицо было серьезным. Он оглянулся и увидел, что Лу Юйчжоу вдалеке спокойно смотрел на него. Чи Чунцяо машинально улыбнулся, но, повернувшись, его выражение снова стало напряженным.

Ду Юйшэн вздохнул: он хотел предостеречь Чи Чунцяо, чтобы тот не слишком погружался в отношения, иначе потом будет трудно выбраться. Сколько бы ни говорили о дружбе, разница в положении между ними все же существовала, и если они расстанутся, пострадает Чи Чунцяо. Чи Чунцяо — артист Чжаохуэй, а Лу Юйчжоу — владелец компании. Если их отношения станут публичными, объектом насмешек все равно будет Чи Чунцяо.

Что потеряет Лу Юйчжоу?

Однако он не сказал этих слов, не из страха обидеть, а потому что понимал: Чи Чунцяо, будучи чутким человеком, уже обдумал все эти вопросы до того, как начать отношения. И его выбор был очевиден — они точно вместе.

Наверное, он очень любит.

Ду Юйшэн горько усмехнулся: насколько сильной должна быть любовь, чтобы даже малейшие изменения в поведении другого вызывали такое беспокойство?

Ему не нужно было предостерегать, это бесполезно, зачем вызывать недовольство?

А Чжун Инь, оставшийся наедине с Лу Юйчжоу, чувствовал, как у него мурашки по коже. Он украдкой взглянул на Лу Юйчжоу, встретился с его взглядом и невольно вздрогнул: «Лу, Лу Юйчжоу, я...» Он оглянулся и увидел, что Чи Чунцяо и Ду Юйшэн уже ушли далеко!

Брат Цяо и брат Ду совсем не братья!

Лу Юйчжоу сказал: «Иди сначала позаботься о брате Цяо».

Чжун Инь сглотнул: «Хорошо».

...

Чи Чунцяо закончил съемки уже после восьми вечера. Он переоделся в обычную одежду в раздевалке и по дороге в отель не мог удержаться от переписки с Лу Юйчжоу.

Между съемочной площадкой и отелем было некоторое расстояние, и по дороге Чи Чунцяо написал: Почему ты вдруг решил приехать сегодня?

В отеле

Лу Юйчжоу задержал палец на экране на пару секунд, затем тихо ответил: В следующем году мне, возможно, придется поехать в филиал в США.

Чи Чунцяо быстро нахмурился и написал: Это дедушка решил? Тебя не оттесняют?

Эти слова выплеснулись на экран, не задевая его разума. Он посмотрел на них пару секунд и усмехнулся — его парень обладал первоклассными навыками и видением, уже прочно занял свое место в компании, как его могли так легко оттеснить за границу? Более того, учитывая привычку Лу Юйчжоу сообщать только хорошие новости, он вряд ли рассказал бы о проблемах. Вероятно, у дедушки были какие-то другие планы.

Он удалил сообщение и написал заново: Когда? На сколько примерно?

Лу Юйчжоу: После июня следующего года, точное время неизвестно, вероятно, на месяц.

«Слишком долго».

Эта мысль первой пришла в голову Чи Чунцяо.

Он крепко сжал телефон, не зная, что ответить.

Он молча положил телефон в карман. Ночная температура опустилась настолько, что дыхание превращалось в белый пар.

Вероятно, узнав неожиданно о поездке в США, Лу Юйчжоу поспешил приехать, чтобы увидеть его. Энтузиазм Чи Чунцяо, вызванный приездом Лу Юйчжоу, поутих. Он задумался: этот год действительно был слишком занятым. Кроме того, что он провел некоторое время с Лу Юйчжоу в июле и августе, в остальное время, хотя они и жили вместе, они расставались после завтрака, днем находили время для звонков, а самое длительное время, которое они могли провести вместе, — это обед, иначе они могли увидеться только вечером.

То он был занят, то Лу Юйчжоу, а то и оба сразу. Он планировал взять больше выходных после съемок в следующем году, но теперь...

Чи Чунцяо остановился, и Чжун Инь, шедший за ним, чуть не врезался в его спину.

«Брат Цяо, что случилось?»

Чжун Инь едва успел остановиться.

Чи Чунцяо обернулся и улыбнулся: «Ничего». Просто внезапно возникла идея.

Решившись, Чи Чунцяо вошел в комнату и вдруг увидел Ду Юйшэна. Его слова запнулись, и он чуть не спросил: «Ты почему все еще здесь?»

Хотя Чи Чунцяо ничего не сказал, Ду Юйшэн уже прочитал на его лице разочарование.

Ду Юйшэн: «...» Как он раньше мог быть таким слепым, чтобы не заметить, что между ними что-то есть?

Ду Юйшэн устало махнул рукой: «Чжун Инь только что звонил и сказал, что ты мало поел за ужином. Лу Юйчжоу пошел в ближайший деревенский ресторан, чтобы приготовить тебе что-нибудь. Садись, мне нужно кое-что обсудить».

Чи Чунцяо сел в гостиной.

Ду Юйшэн сказал: «"Красавец и Красавица" выйдет в конце декабря. Мы пока не можем заниматься промоушеном там, но тебе нужно записать несколько коротких видео».

Чи Чунцяо удивился: «Разве не говорили, что он выйдет в середине января?»

Ду Юйшэн ответил: «Видимо, благодаря твоей удаче, фильм, который должен был выйти, внезапно сняли с проката, и нас поставили вместо него».

«Сняли с проката?» — Чи Чунцяо был поражен. — «Разве так можно?»

Ду Юйшэн пожал плечами: «Да, кто бы мог подумать? Мы воспользовались связями и вышли раньше. Есть версия с дубляжом и с субтитрами, посмотри, мне кажется, неплохо». Он протянул Чи Чунцяо флешку.

Ду Юйшэн сделал глоток чая и продолжил: «Ранний релиз — это хорошо. Если мы хорошо поработаем над промоушеном, и ты получишь хорошие отзывы за границей, это откроет больше возможностей в Китае».

Чи Чунцяо знал, что Ду Юйшэн все еще помнит тот случай с хэштегами и переживает из-за оценки "нет работ" больше, чем он сам. Чи Чунцяо откинулся на диване, сделал глоток чая и мягко сказал: «Открыть новые горизонты за границей — это хорошо, но не стоит слишком заикливаться. В конце концов, я только недавно начал, и важно сначала укрепиться здесь».

Ду Юйшэн сразу остыл и кивнул: «Верно. У меня есть идея...»

Чи Чунцяо сказал: «После съемок "Государственных деятелей" я хочу поехать на стажировку». Фанаты в Китае действительно его поддерживают, и хотя это не мешает ему видеть себя объективно, со временем это может привести к расслабленности. В какой сфере можно стоять на месте? Рано или поздно тебя обгонят.

Ду Юйшэн помолчал пару секунд и осторожно спросил: «А Лу Юйчжоу...» Стажировка, скорее всего, будет за границей, ведь актерское мастерство Чи Чунцяо в Китае действительно на высшем уровне, ему нужно изучить другие стили игры, но сможет ли он оставить Лу Юйчжоу?

Или, скорее, сможет ли Лу Юйчжоу отпустить его? Всего десять дней на природе, с звонками и видео, и он не смог удержаться, сгруппировал несколько дней работы и пересек полстраны, чтобы провести вместе чуть больше суток.

Если они так привязаны друг к другу, смогут ли они выдержать месяц разлуки?

Чи Чунцяо спокойно поднял чашку, на секунду задумался, затем улыбнулся сквозь пар и не ответил прямо: «Стажировка будет в США, время еще не определено».

Ду Юйшэн восхищенно сказал: «Жестко. Великие дела не терпят личных привязанностей».

Чи Чунцяо только улыбался — он не сказал, что Лу Юйчжоу в следующем году поедет в филиал в США на несколько месяцев. В конце концов, это была личная выгода. Но зачем делиться такими мелочами с посторонними?

Они поговорили еще немного, и Лу Юйчжоу вернулся с кашей.

Чи Чунцяо встал, взял у него пальто и тихо сказал: «Так поздно, а ты пошел покупать».

Лу Юйчжоу слегка обнял его и так же тихо ответил: «Боялся, что ты проголодаешься ночью».

Он поставил термос на стол, открыл его, и сладкий аромат красной фасоли заполнил комнату. Он налил Чи Чунцяо миску и, словно только сейчас заметив Ду Юйшэна, спросил: «Хочешь немного?»

Ду Юйшэн: «Нет-нет! Не надо!»

Лу Юйчжоу, лучше просто игнорируй мое существование!

Лу Юйчжоу просто был вежлив, он купил еды только для Чи Чунцяо, и даже не на полную миску, просто чтобы перекусить после легкого ужина, и совсем не думал о Ду Юйшэне.

Чи Чунцяо на самом деле не был голоден, он съел пару ложек и начал кормить Лу Юйчжоу.

Ду Юйшэн: Ну конечно, если Лу Юйчжоу еще помнил о его существовании, то этот мелкий мерзавец Чи Чунцяо полностью его игнорировал! Взгляд Ду Юйшэна, полный упреков, был направлен на Чи Чунцяо — этому парню на несколько лет больше, чем Лу Юйчжоу, как он мог быть настолько безумным, чтобы соблазнить его?

Чи Чунцяо покормил Лу Юйчжоу несколько раз, затем внезапно повернулся: «Брат Ду, ты почему все еще здесь?»

Ду Юйшэн ответил: «...Я ухожу, ладно? Не забудь посмотреть версию с дубляжом».

Чи Чунцяо кивнул, якобы усердно проводил Ду Юйшэна до двери и даже взял его портфель: «Брат Ду, иди осторожно».

Ду Юйшэн, держа портфель, который ему вручил Чи Чунцяо, с мрачным лицом был лично выведен за дверь. Они не обсудили и пары дел, а он ушел, набитый собачьим кормом.

Как только он ушел, Чи Чунцяо еще не успел развернуться, как Лу Юйчжоу обнял его сзади.

«Ты злишься?» — спросил Лу Юйчжоу.

Чи Чунцяо: «Нет, почему ты так думаешь?»

Дыхание Лу Юйчжоу касалось шеи Чи Чунцяо, он медленно опустил голову. Несмотря на сильные объятия, Чи Чунцяо почувствовал, будто его обнимают.

«Я приехал сам, не предупредив тебя, боялся, что ты разозлишься».

«Мне всегда кажется, что этого недостаточно...»

Все моменты вместе были слишком короткими, внутри пылал огонь, горячий и жгучий, и даже ночные поцелуи и объятия не могли его погасить.

Лу Юйчжоу, продолжая нежиться, мягко и нежно капризничал: «Ты слишком занят, а у меня нет времени, мне кажется, ты не скучаешь по мне...»

Чи Чунцяо, всегда беспомощный перед этим мелким мерзавцем, который вечно все переворачивает, улыбнулся в его объятиях:

«Да, я не скучаю по тебе. Тогда в следующем году я не поеду на стажировку в США».

Лу Юйчжоу резко поднял голову.

Чи Чунцяо помолчал, затем тихо сказал: «Как ты хочешь, чтобы я по тебе скучал?»

Он развернулся в объятиях Лу Юйчжоу, взял его лицо в руки и поцеловал от лба до уголка губ: «Так скучать по тебе подойдет?»

Лу Юйчжоу быстро закрыл глаза, полуобнял Чи Чунцяо и подвел к дивану, уложив его на диван. Его голос, смешанный с поцелуями, звучал невнятно и мягко: «Конечно, нет, я научу тебя, брат Цяо...»

После ночи нежных ласк оставшееся время стало казаться не таким трудным.

В середине декабря съемки на природе закончились, и съемочная группа вернулась в студию, где декорации были уже готовы, и можно было сразу приступить к съемкам.

Но "Государственный деятель", как сериал с минимумом романтики и максимумом сюжета, где главная линия — восстановление страны и поддержка государства, был трудоемким проектом. К тому времени, как сериал будет закончен, пройдет почти май. Но даже так, ежедневная нагрузка была высокой, особенно после того, как они покинули "удаленную локацию" и увеличили интенсивность съемок.

Не только актеры, едва держащиеся на плаву, но даже Чи Чунцяо и некоторые ветераны сцены с трудом справлялись. Особенно Чи Чунцяо, как главный герой, у него было больше всего сцен, и режиссер Юй Шо был к нему особенно строг. Иногда из-за мелких проблем он требовал повторных дублей, и, учитывая проблемы других актеров, количество NG у Чи Чунцяо было самым высоким в группе.

Для Чи Чунцяо это был довольно новый опыт — до того, как он попал в этот мир, он никогда не был популярен, у него не было возможности играть главные роли, он всегда был второстепенным актером. Роль Хэ Юя была самой яркой из всех, что он играл до сих пор.

И эту роль ему дал Лу Юйчжоу.

После съемок на природе Чи Чунцяо, по совету Ду Юйшэна, нашел время, чтобы послушать две версии дубляжа "Красавца и Красавицы" и позвал Лу Юйчжоу. Японская версия была более-менее нормальной, а корейская версия заставила его смеяться с начала до конца.

Лу Юйчжоу, которого и так раздражала неестественность дубляжа, теперь еще и отвлекал живой источник смеха рядом, поэтому он не услышал ни слова, только наблюдал за Чи Чунцяо, который смеялся до слез.

Чи Чунцяо перевел дух, попил воды из чашки, которую держал Лу Юйчжоу, и с ясной улыбкой в глазах сказал: «Теперь это настоящая комедия».

Лу Юйчжоу мягко похлопал его по спине, чувствуя некоторую беспомощность.

Для Лу Юйчжоу это время было, вероятно, очень трудным. В его памяти Чи Чунцяо никогда не был так занят. Иногда, закончив съемочный день, Чи Чунцяо садился в машину Лу Юйчжоу и, разговаривая, часто засыпал.

Эта занятость продолжалась до 30 декабря, когда вышла японская версия «Красавца и Красавицы».

В день премьеры у Чи Чунцяо был полный съемочный день, и он не мог отвлечься.

...

"Красавец и Красавица" хорошо заработал в Китае, и, конечно, не поскупился на рекламу.

Агент фильма в Японии также был полон энтузиазма и активно поддерживал промоушн, поэтому к моменту официального релиза многие уже с нетерпением ждали фильм.

Некоторые кинотеатры даже повесили большие рекламные плакаты, на которых Чи Чунцяо в школьной форме стоял у яркого окна, держа в руках книгу, с опущенными ресницами, словно спал, с лицом, излучающим почти книжную элегантность.

Япония всегда любила образ "красивого юноши", и образ Чи Чунцяо в "Красавце и Красавице" идеально соответствовал этому. Его красота была чистой, как светлая классная комната.

Кто бы не полюбил такого красавца?

Многие японские девушки, стоя перед плакатом, тихо восхищались: «Он такой красивый».

«Какие длинные ресницы! Интересно, как он выглядит с открытыми глазами».

«Ах! Это фильм, который сейчас показывают! Может, пойдём посмотрим?»

«Давай зайдём, просто чтобы посмотреть на красавца, он такой красивый».

Некоторые не смогли устоять перед обаянием красавца и купили билеты.

Среди них была Ли Су.

Ли Су приехала в Японию на учёбу, и так как у неё не было родственников в Китае, она редко возвращалась домой на каникулы.

Но с тех пор, как она уехала из Китая, тоска по родине только усиливалась. Иногда, услышав звук, похожий на китайский, она замирала на несколько секунд, пытаясь найти источник звука.

Именно поэтому Ли Су интересовалась всем, что связано с экспортом из Китая. Когда началась реклама "Красавца и Красавицы" в Японии, Ли Су уже следила за этим, выкраивая время между учёбой и работой, чтобы пойти на фильм с однокурсниками.

Ее однокурсники также были полны любопытства к китайской культуре. Они многое узнали о Китае от Ли Су и были полны любопытства к этой быстро развивающейся стране, поэтому с радостью согласились на приглашение Ли Су пойти на фильм.

«Это фильм о школе», — объясняла Ли Су в метро, — «Главный герой действительно красавец, и героиня тоже очень красивая».

Кудрявая однокурсница оживилась: «Будет ли там сладкая любовь?»

Ли Су была слишком занята, чтобы глубоко изучить фильм, и хотя она заранее нашла немного информации, содержание фильма все еще было для нее загадкой: «Должно быть, ведь это школьный фильм».

Хотя она так говорила, она знала, что большинство школьных фильмов и сериалов в Китае следуют определенным шаблонам.

Ли Су тихо вздохнула, но раз этот фильм продал права за границу, он, по крайней мере, не должен быть плохим. Чтобы не разочароваться, она настроилась на низкие ожидания.

Ее однокурсницы продолжали болтать: «Главный герой действительно красивый».

«Говорят, в фильме он Красавец и Красавица, но в нашей школе нет таких красавцев».

«Даже если фильм будет плохим, я досмотрю его ради главного героя!»

«Я волнуюсь, что не пойму, ведь это зарубежный фильм».

...

Ли Су и ее друзья скоро вышли из метро и добрались до кинотеатра, где висел большой плакат с изображением красивого юноши.

Ли Су видела этот плакат каждый раз, когда проходила мимо кинотеатра, и иногда, только увидев вывеску кинотеатра, она уже начинала искать плакат.

Некоторые из ее однокурсников видели плакат впервые и не могли удержаться, чтобы не постоять перед ним, восхищаясь: «Какой чистый».

Ли Су посмотрела на время и вместе с толпой прошла проверку билетов.

Она села в кинотеатре, огляделась и заметила, что зал был довольно полным, в основном девушками, которых, вероятно, привлек плакат у входа.

Когда из динамиков зазвучала мелодичная музыка, разговоры вокруг Ли Су постепенно стихли, и фильм начался.

Первая сцена была той самой с плаката: Красавец просыпается от легкого сна, его глаза открываются, и в них, кажется, отражается свет.

Ли Су замерла, пораженная.

В зале раздались легкие возгласы, но Ли Су их не слышала. Она смотрела на экран, смутно думая: как зовут этого актера... Чи Чунцяо, да?

Пока зрители наслаждались красотой, на экране медленно появилось большое лицо за окном, всего в нескольких сантиметрах от школьного кумира. Человек смотрел на идеальную форму его затылка, затем без выражения постучал в стекло.

Высокомерный Красавец вздрогнул, резко обернулся, его глаза слегка расширились.

Учитель открыл окно и спросил: «Почему ты не на физкультуре?»

Красавец, сбежавший с урока, чтобы поспать, с каменным лицом ответил: «У меня... внезапный гастроэнтерит».

Учитель и Красавец медленно перевели взгляд на напиток со льдом на столе. Красавец невозмутимо сказал: «Я выпил слишком много, простудился».

Ли Су фыркнула и рассмеялась.

Этот Красавец, кажется, не такой уж высокомерный.

Постепенно внимание Ли Су переключилось с красивого лица школьного кумира на сюжет, который заставлял ее смеяться до колик. Только из-за публичного места она не могла смеяться вслух, сдерживая смех, отчего ее плечи дрожали.

Ли Су вышла из кинотеатра, поддерживаемая однокурсниками — она смеялась до боли в животе.

Эта комедия была очень простой и понятной, полностью построенной на юморе, поэтому не было проблем с пониманием. Даже иностранцы с культурными различиями могли мгновенно уловить юмор. Кроме того, японский дубляж был очень хорош, и качество фильма было на высоте.

А последняя часть все еще трогала. Возможно, эти студенты не понимали, что такое "иэроглифы", но стремление к будущему, ради которого герои шли вперед, было понятно людям любой страны и возраста.

Кто бы не понял это стремление?

А для студентов-зрителей будущее уже было не за горами, и они, как и герои фильма, испытывали те же чувства, что усиливало их сопереживание.

Поэтому, когда Ли Су и ее друзья вышли из кинотеатра, их лица все еще были задумчивыми.

«Мне очень понравилась фраза в конце», — сказал парень в синей куртке, — «Мы, юные, полны надежд на будущее. Они мне так понравились!»

Под такими похвалами Ли Су невольно улыбнулась и скромно сказала: «Да, фильм действительно замечательный».

Кудрявая однокурсница добавила: «Я думала, это будет чистая романтика, а оказалось, что это комедия. Красавец такой красивый, почему в нашей школе нет таких парней? Как его зовут? У него есть аккаунт в Твиттере? Я хочу на него подписаться!»

На самом деле, фильм был классифицирован как легкая комедия, но большинство людей зашло в кинотеатр из-за плаката. Многие, увидев плакат, просто зашли внутрь, и только после окончания фильма медленно осознали, что это была комедия.

Девушка в хлопковом платье сказала: «Я тоже! Он действительно такой красивый! Сам фильм тоже отличный! Думаю, я могу посмотреть его еще раз! Его актерская игра, кажется, тоже на высоте. Мне так нравятся его глаза, кажется, что все, что он не сказал, видно в его глазах».

Кудрявая девушка, которая все это время искала в телефоне, разочарованно сказала: «Его зовут Чи? В Твиттере я его не нашла».

Ли Су ответила: «Он есть. Его зовут Чи Чунцяо, можно просто поискать Чи Чунцяо». Она подошла ближе и помогла однокурсникам найти аккаунт Чи Чунцяо, заодно сама на него подписалась.

Аккаунт был пустым, только краткая информация висела наверху.

Они немного покопались в аккаунте и с сожалением обнаружили, что это действительно аккаунт, который еще не начал свою деятельность, и даже неясно, официальный ли это аккаунт.

Девушки вздохнули с сожалением.

Ли Су пообедала с однокурсниками и вернулась в свою комнату в общежитии. Она бросилась на кровать, и чувство потери начало подниматься в ней — для японских однокурсников этот фильм был просто отличной комедией, но для нее он был другим, вызывая множество воспоминаний о школьных годах.

Широкие школьные формы, пухлый классный руководитель...

Ей вдруг очень захотелось домой, очень-очень сильно, даже просто услышать китайскую речь.

Ли Су лежала на кровати, и слезы капали на подушку. Когда она была полна растерянности, на телефон пришло уведомление. Она вздрогнула от звука и, с мокрыми от слез глазами, открыла телефон.

Это был Чи Чунцяо, на которого она только что подписалась!

На его аккаунте появился пост, который выделялся на пустой странице. Это было короткое видео. Ли Су замерла на пару секунд, сжала губы и нажала на него.

Первое, что она услышала, было четкое представление Чи Чунцяо.

«Всем привет, я Чи Чунцяо».

Уши Ли Су мгновенно насторожились.

Его голос был немного низким, темп речи медленным, и даже конец фразы звучал с улыбкой, что отличалось от чистого подросткового голоса в фильме.

Ли Су, слушая его голос, не могла сдержать улыбку — такой голос был для нее более приятным.

Только сейчас Ли Су поняла, что она оказывается аудиофил!

Это видео было интервью о фильме "Красавец и Красавица", длившееся чуть больше двух минут.

На видео Чи Чунцяо был одет в светлую одежду, в руках держал микрофон, его пальцы были длинными, а запястья — четко очерченными.

В отличие от подростковой невинности в фильме, в интервью Чи Чунцяо был зрелым молодым человеком с мягкими чертами лица.

Сердце Ли Су забилось быстрее.

Чи Чунцяо ответил на несколько вопросов, и двухминутное видео закончилось.

Во время интервью он иногда шутил, что заставляло Ли Су непроизвольно улыбаться. Она чувствовала себя так, будто выпила чашку медовой воды, сладкой и дурманящей.

После этого Ли Су не смогла сдержаться и написала рецензию на фильм "Красавец и Красавица", а затем выключила телефон и легла спать.

Через несколько дней, после занятий, Ли Су остановила однокурсница.

«Что случилось?»

Ли Су с удивлением посмотрела на нее.

Однокурсница сказала: «Быстро открой свой Твиттер!»

Ли Су растерянно достала телефон, открыла Твиттер и увидела, что получила почти тысячу личных сообщений и десятки тысяч лайков.

Ли Су: «??»

Что произошло?!

Однокурсница: «Твоя статья стала популярной!»

Точнее, "Красавец и Красавица" стал популярным. Япония всегда любила такую внешность, как у Чи Чунцяо, и многие из тех, кто участвовал в обсуждении, даже не смотрели фильм, но знали о Чи Чунцяо — его хвалили в крупной статье нового медиа, и весь текст был наполнен слегка преувеличенными, но типично японскими комплиментами.

Медиа назвали его "Тысячелетний феномен: чистый юноша с Востока".

<http://bllate.org/book/13818/1219582>